

На верхней Колве оседлое русское население, по-видимому, появилось не ранее конца XVIII в. В ведомости 1809 г. еще не названы верхнеколвинские деревни, вошедшие впоследствии в Тулпанскую волость. От 1847 г. имеются определенные сведения о существовании деревень Нюзим и Петрецово.⁵ Заселение верховьев Колвы осуществлялось за счет выходцев из различных селений Чердынского уезда — Ныроба, Покчи, Искора и др., причем поселенцы были поголовно приверженцами старообрядчества.

Треугольник Светлый Родник—Дий—Талова всегда привлекал старообрядцев и сектантов самых различных толков своей глушью и труднодоступностью: добраться до здешних скитов и «пустынь» было очень нелегко из-за бездорожья, а старый торговый путь с юга на Печору проходил гораздо западнее, через Якшу.

В деревне Сусай старинных книг не нашлось; старожилы, как и следовало ожидать, указывали в сторону Таловой и особенно Дия, последнего по Колве выселка, бывшего в начале столетия центром «Костиной» веры (одна из разновидностей местного старообрядчества).

Примерно в 1890 г. старец по имени Костя Суслов начал проповедовать новое вероучение — крещение обливанием, непоклонение иконам, моление «восток солнца» и т. д. Через десяток лет Д. И. Паршаков, начетчик из Таловой, «разбил довольно легко Костины выдумки».⁶ После этого часть «сусловцев» снова влилась в поморско-даниловскую ветвь старообрядчества.

В самом конце прошлого века в верховья Колвы совершил поездку известный этнограф Н. П. Белдыцкий.⁷ Он отмечал, что в здешних деревнях, у старообрядцев и «сусловцев», обращалось много рукописных и старопечатных книг. В Таловой существовала даже книгописная мастерская, где размножались интересовавшие местных «начетных» людей тексты. Притоку книг в верхнеколвинские деревни и «пустыни» способствовали связи с Чердынью и центральными областями России, которые были довольно оживленными. На Колву часто навещался старообрядец Кустов, занимавшийся книжной торговлей. В Таловой, у Л. Е. Чагина, Н. П. Белдыцкий видел «дониконовские» рукописи, среди них Цветники и Кормчую. По рассказам владельца, книги присылались ему московскими старообрядцами. В Таловой же Н. П. Белдыцкому показали берестяную книгу, где рукой Кости Суслова «старославянским шрифтом ... были переписаны самые святые места из староотеческих книг, все больше об антихристовом пришествии».⁸ Сам старец, когда его посетил Н. П. Белдыцкий, «делал выписку из Книги старчества о антихристе». Обычным занятием Кости Суслова было «переписывать старые книги и раздавать их верующим» — этим он занимался в течение двадцати с лишком лет. По просьбе гостя, старец и ему сделал на память выписку «о крестном знамении». В настоящее время ни в Дие, ни в Таловой о Косте Суслове совсем не помнят; влияние его «веры», по всей видимости, было сведено

⁵ См.: А. А. Введенский. Урало-Печорский край на рубеже XIX—XX веков. — Научные записки Киевского держ. университета им. Т. Г. Шевченко, т. V, вып. 2, 1946, стр. 76.

⁶ См.: Н. Ончуков. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору. — Живая старина, вып. I, год одиннадцатый. СПб., 1901, стр. 37—47.

⁷ См.: Н. Белдыцкий. В парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Пермь, 1901.

⁸ Н. П. Белдыцкий. Из природы и быта Пермского края I. В Чердынской парме. — Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства, вып. II. Пермь, 1916, стр. 24.